

ших достоинств рецензируемой работы. Исследование Д. П. Каллистова является ценным вкладом в изучение истории далекого прошлого нашей страны; автор проявил здесь свою разностороннюю эрудицию и присущее ему мастерство историка-исследователя.

В. Д. Блаватский

* * *

Появление работы Д. П. Каллистова представляет собой примечательное событие в нашей литературе. Работа вызвала повышенный интерес советских ученых.

Автор впервые в плане большого монографического исследования выдвинул проблемы взаимоотношений в Северном Причерноморье между миром «варваров» и миром греков. До сих пор эти проблемы еще не изучались специально в крупном исследовании, а мир местных племен не получал достаточного освещения как основная часть Северного Причерноморья. Постановка и попытка разрешить эти проблемы, несомненно, являются огромной заслугой автора.

Проблема взаимоотношений двух различных сил — греческой и туземной на территории нашего Юга совершенно законно издавна интересовала русскую науку. Ряд выдающихся ее представителей, не без влияния буржуазных западноевропейских ученых, развивали тезис о «культуртрегерской» роли колонизаторов-греков по отношению к местным племенам. Очевидная тенденциозность этой теории не могла удовлетворить наших советских исследователей. С этой точки зрения, постановка проблемы о взаимоотношении двух миров как одной из главных проблем рецензируемой работы совершенно правомерна и необходима.

Чрезвычайно положительным и ценным моментом работы является исследование социального строя народов, населявших Северное Причерноморье. Благодаря привлечению широкого археологического материала, новейших печатных работ и острой критике различных буржуазных теорий, в частности, концепции «державы» у скифов, глава, посвященная этим проблемам, читается с большим интересом и увлечением. В целом, мир «варваров» обрисован верно, хотя и дан несколько обобщенно. Необходимо было бы дать более четкую характеристику отдельных племен, отметив более высокий уровень развития одних и отсталость других. Обобщения упростили картину реального быта племен и несколько схематизировали его.

Неверным представляется нам отождествление социального строя скифов, меотов и синдов, а также отрицание более раннего возникновения классов и государства у последних. На стр. 153 в качестве вывода говорится: «Едва ли ... область синдов, окруженная со всех сторон другими меотийскими племенами, в своем социальном развитии явилась исключением и ранее других вступила на путь государственности». Однако сам автор, не говоря уже о наличии синдских монет и известия о синдском царе Гекатее, силою фактов вынужден признать, что именно территория Кубани, а не Крыма, дает картину наиболее резкого социального контраста между погребениями (стр. 113). Именно племена на территории Кубани и Северного Кавказа находились под постоянным и ускоряющим процесс общественной дифференциации воздействием государства Урарту, о чем неоднократно упоминает сам автор (стр. 113, 126). Все это не могло не отразиться на социальном строе синдов, которые, по всей вероятности, рано приняли участие в формировании и развитии боспорской государственности.

В труде Д. П. Каллистова рассматривается вопрос об интерпретации северочерноморских «варваров» в античной литературной традиции. Направления, идеализирующие или порочащие скифов или другие северные народы, связываются с разочарованием греков того времени в общественной жизни отечества, поисками идеального образа правления, дискуссиями о «*πάτριος πολιτεία*» и воплощением якобы идеального «строга отцов» у скифов. Такое объяснение, выдвинутое автором, интересно и правдоподобно, хотя, как нам кажется, оно лишь отчасти объясняет обе литературные традиции. Причины возникновения последних нужно искать не только в области идеологической, но и в области социально-экономической. Пристальное внимание грека к

северочерноморским варварам объясняется попытками избежать социальных болезней рабовладельческой системы; только они — скифы, абии, меоты и другие народы, их хлеб и сырье, — могли удержать, как думали античные авторы, неуклонно развивающийся упадок эллинических государств. К освоению варварских земель надо было привлечь максимальные людские силы, и направление, идеализировавшее варваров, сыграло, по видимому, большую роль в этом отношении, возбудив интерес к этим народам.

Другое направление, рисовавшее скифов и других «варваров» в самых мрачных красках, фактически имело целью оправдать их эксплуатацию. Ведь варвары для грека — «прирожденные рабы». Многочисленные свидетельства о жестокости и воинственности варваров могли играть роль предупреждения об осмотрительности и осторожности. Греки являлись на Понт не с голыми руками, а во всеоружии. Таким образом, оба направления были рождены не столько дискуссией об идеальном строе и стремлением «страхнуть с себя налет шумной городской жизни, чтобы обрести душевное равновесие в сельской тишине» (стр. 92), сколько и вполне определенным устремлением греческих рабовладельцев, направленным к Северному Причерноморью. Греческое общество видело здесь место не успокоения, а обогащения. В этом отношении обе литературные традиции при всей кажущейся их противоположности смыкались, и обе представляли собой идеологическую обработку греческого общества, сопутствующую процессу колонизации. В этой идеологической подготовке участвовали все наиболее выдающиеся представители государственной и культурной жизни Греции.

Большим достоинством рецензируемой работы является то, что в ней, хотя и по другому поводу, устанавливается возможная связь между заинтересованностью Афин в Понте и поездкой Геродота в Северное Причерноморье (стр. 204). Иллюстрацией активного устремления Афин в Северное Причерноморье является та горечь, с которой афиняне спустя долгое время вспоминали, судя по словам Эсхина, об утрате Нимфея.

Д. П. Каллистов правильно подошел к решению вопроса о греческой колонизации, остановившись не только на условиях греческой жизни, но учитывая и особенности жизни местных жителей, степени местного развития и доли участия в процессе колонизации. Можно вполне согласиться с заключением автора о том, что к началу греческой колонизации «туземный мир уже успел сформироваться как самостоятельная историческая сила» (стр. 42) и что греки отнюдь не выступали здесь в роли «носителей высокой цивилизации, поработивших местных дикарей своими преимуществами».

Автор правомерно рассматривает колонизацию как двусторонний процесс, отмечая, что успех греческой колонизации зависел от степени развития производительных сил местного населения. Принимая положение автора о том, что отношения между пришлыми греками и туземным населением с самого начала были отношениями двух партнеров, считаем нужным заметить, что следовало бы подчеркнуть различную заинтересованность в колонизации самих греков и всего «варварского» мира. Автор утверждает, что местные племена, в силу достаточного развития их производительных сил и межплеменных связей, могли обеспечить успех греческой колонизации и удовлетворить спрос греков-пришельцев на необходимые им товары. Однако необходимо было бы оговорить, что процесс роста производительных сил шел бы своим путем и без греческой колонизации. Поэтому местные племена, будучи одним из партнеров, не могли проявить такую же сильную заинтересованность в колонизации, как греки. Заинтересованность последних была гораздо большей, ибо она была для них жизненной необходимостью и определялась всем ходом их развития.

В тесной связи с этими моментами находится вопрос об общем характере колонизации — был ли он мирным или насильственным. Наша научная литература не дает еще достаточно ясного ответа на этот вопрос. Он не разрешается и в книге Д. П. Каллистова. Правда, в нашем распоряжении имеются лишь разноречивые суждения античных авторов, из которых одни говорят о том, что эллины изгнали скифов, а другие о том, что скифы добровольно уступили грекам часть земли. Быть может, столь различные отношения «варваров» к колонизаторам следует связать прежде всего не с поли-

тикой греков, а со степенью развития отдельных племен. Неодинаковая степень развития последних порождала и неодинаковую их заинтересованность в греческих «купцах» и различное, мирное или враждебное, к ним отношение. Греки в данном случае вынуждены были в начальный период колонизации приспособляться к обстановке в каждом частном случае так же, как они приспособляли основание своих городов в Северном Причерноморье к древним торговым путям и туземным центрам. Последним автор, к сожалению, не придает почти никакого значения и не выясняет роли туземных поселений в процессе образования греческих городов. А это во многом помогло бы выяснить взаимодействие местной и греческой культур.

Нельзя согласиться с положениями автора о том, что местное население не принимало никакого участия в формировании греческих городов и в их дальнейшей жизни. Высказывание автора — «предположение, что Фанагория спустя полтора столетия после своего возникновения выглядела менее греческой, чем тогда, когда ее основали теосские колонисты, ничем не может быть оправдано» (стр. 51), фактами не подтверждается. Последние раскопки М. М. Кобылиной дали материал, говорящий о смешанном характере населения Фанагорий. К сожалению, результаты исследования Фанагории в послевоенные годы автором совершенно не учтены; им приняты во внимание только раскопки 1936—1940 гг. Утверждение автора об исключительно греческом характере населения раннего Пантикапея недостаточно верно: нам известно пантикапейское надгробие Тихона-тавра, относящееся к V в. до н. э.

Трудно согласиться с положением автора о том, что города Боспора долго сохраняли черты полисного строя. Отличительной чертой политического строя Боспорского царства является то, что в нем рано, и не без участия туземных элементов, преодолены были полисные традиции.

Автор недооценивает участие местного туземного населения в образовании Боспорского государства. О первоначальном характере археанактидовского объединения он говорит, например, следующее: «Незначительность его территории дает основание думать, что это объединение возникло как объединение греческих полисов-колоний без заметного участия в нем туземных элементов» (стр. 181—182).

Между тем уже при Спартокидах туземные элементы играют в жизни государства серьезную роль. Автор оставляет неясным, при каких условиях они вошли и какое место заняли в государстве. Только тогда, когда в главе Боспора появляется местная династия, автор признает большое значение местного населения в жизни государства.

Однако без длительной внутренней борьбы туземная династия не пришла бы к власти. И, если применить здесь метод обратного умозаключения, которым пользуется автор в других вопросах (стр. 209—210), следовало бы допустить участие «варваров» в общественной и политической жизни государства еще при Археанактидах.

Некоторые из недочетов работы Д. П. Каллистова объясняются, как нам кажется, тем, что автор несколько ошибочно подошел к решению проблемы о взаимоотношении мира «варваров» и мира греков во всем Северном Причерноморье, а особенно на Боспоре. Д. П. Каллистов, стремясь как можно резче отмежеваться от теории о культуртрегерской роли греков, пришел к преувеличению изолированности в развитии двух миров и утверждению их обособленности. Поэтому автор не избежал ошибочного взгляда на сохранение абсолютной чистоты греческой культуры на Боспоре и отрицает влияние «варваров» на греков.

Д. П. Каллистов правильно поступил, приведя замечательный вывод С. А. Жебелева о том, что резкое различие между двумя мирами — миром «варваров» и миром античной рабовладельческой цивилизации совпадает с линией классового антагонизма. Жаль, что это положение не явилось для автора одним из исходных моментов его исследования и упомянуто им на последней странице книги. Иначе он детальнее остановился бы на процессе смыкания греков-рабовладельцев и представителей, имущих слоев местных племен. Это, в свою очередь, позволило бы автору смягчить его тезис об обособленности двух миров и представить эти миры не столь однородными в социальном отношении.

Из мелких недостатков отметим следующие: на стр. 141 говорится, что выпуск монет в Пантикапее начинается с конца VI в. до н. э., а на стр. 146— со второй половины V в. до н. э. Название работы не совсем соответствует содержанию. Она называется «Очерки по истории Северного Причерноморья», но посвящена она в основном истории Боспора, т. е. только северо-восточной части Причерноморья. К работе следовало бы приложить библиографический указатель.

Указанные недостатки не обесценивают книги Д. П. Каллистова. В своей постановке чрезвычайно важных вопросов работа стоит на уровне современной науки, учитывает широкий археологический материал. Автор обобщил большое количество источников и сумел подать тему в увлекательной и доступной для всех форме изложения.

Г. А. Цветаева

ТЕШИК-ТАШ, Палеолитический человек. Труды Научно-исследовательского института антропологии. Под редакцией проф. М. А. Гремяцкого и доц. М. Ф. Нестурх, М., изд. МГУ, 1949, 182 стр., с 105 рис., цена 22 руб.

Только в нашей великой стране, где партией Ленина—Сталина и советским правительством созданы все предпосылки для небывалого в мировой истории расцвета науки, антропология, эта естественная история человека, работает на благо народа и трудящихся масс во всем мире.

Крупнейшее антропологическое учреждение СССР—Институт антропологии при Московском университете—посвятило весь очередной том своих трудов находке ископаемого палеолитического человека, жившего более 100 тысяч лет назад на южной окраине Советской Средней Азии. Книга эта удостоена Сталинской премии за 1949 год.

Ленинско-сталинская национальная политика обеспечила то тесное содружество между узбекскими и русскими научными учреждениями, без которого не было бы ни самой замечательной находки, ни содержательной книги о ней. По инициативе Комитета по охране и изучению памятников материальной культуры при СНК Узбекской ССР были организованы планомерные поиски древнейших следов человека в горах Южного Узбекистана. В 1938—1939 гг. А. П. Окладников совместно с художником-археологом В. Д. Запорожской произвели исчерпывающие раскопки в гроте Тешик-Таш (Гиссарийский хребет, Южный Узбекистан). Все добытые материалы поступили на хранение в музеи Ташкента, Ленинграда и Москвы. Уже из предварительных сообщений советских ученых о находке в Тешик-Таш даже буржуазным антропологам стало ясно ее огромное научное значение. Так, американский антрополог А. Грдличка уже в 1940 г. писал о ней, как о «величайшей находке за последние два десятилетия»¹. Но только в итоге нескольких лет сложной, трудоемкой, скрупулезной работы дружного коллектива советских ученых раскрывается исключительное значение находки в Тешик-Таш.

В рецензируемый сборник вошли статья А. П. Окладникова, Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш (стр. 7—85 с 40 рис.), В. И. Громова, Плейстоценовая фауна млекопитающих (стр. 87—99), покойной П. В. Суловой, Плейстоценовая орнитофауна... (стр. 101—108), Д. Г. Рохлина, Некоторые данные исследования детского скелета... (стр. 109—121), покойного Н. А. Синельникова и М. А. Гремяцкого, Кости скелета ребенка неандертальца... (стр. 123—136) и М. А. Гремяцкого, Череп ребенка-неандертальца (стр. 137—182, с 20 рис.).

¹ «Nature», 7.1. 1940.